

Т. В. Блаватская

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ЗАПАДНОПОНТИЙСКИХ ГОРОДОВ В ЭПОХУ ИХ АВТОНОМИИ

Возникшие на побережье Фракии города Западного Причерноморья были типичными греческими рабовладельческими полисами. Они следовали общей тенденции колоний повторять конституцию своих метрополий. Однако конкретные исторические условия существования греческих городов на Черном море вызывали появление особенных институтов, общих нескольким колониям. С этой точки зрения нам кажется целесообразным рассмотреть внутренний строй городов Западного Причерноморья, в котором мы встретим немало сходных черт с городами Северного Причерноморья.

Греческие города Западного Понта были основаны ионянами — Истрия, Аполлония, Одесс, Томы, Дионисополь, и дорьянами — Месембрия и Каллатия. Эти различия отразились на конституциях отдельных полисов, но политический строй западнопонтйских колоний не был стабильным, он изменялся с развитием социальных противоречий в этих городах.

Сначала общие линии развития городов Западного Причерноморья совпадали полностью с ходом событий в метрополиях.

В древнейший период, в VII—VI вв. до н. э., в Истрии и Аполлонии был олигархический строй. Возможно, что во главе выселявшихся из Милета колонистов находилась аристократия, бежавшая от тирании. Особенно приложимо это к Аполлонии, основанной, согласно традиции и данным археологии, в последнем десятилетии VII в. до н. э.

Сведения о существовании олигархий на западном берегу Понта сохранились в таком важном источнике по истории греческих полисов, как «Политика» Аристотеля. Немногими словами Аристотель рисует положение в обоих городах.

В Истрии (Arist., Pol., V, 5, 1) правила ограниченная группа олигархов, ведущих, может быть, свое происхождение от старинных милетских родов. Между тем с каждым десятилетием в городе усиливалось значение торговой знати, обогащавшейся очень быстро. Эта часть населения, которую Аристотель называет *εἴτοροι*, требовала соответствующих ее положению политических прав. Социальный конфликт был неизбежен, тем более, что в самом Милете с конца VII в. до н. э. власть принадлежала тирану.

Истрийские олигархи пытались отдельными уступками сохранить свои позиции: к участию в управлении полисом были допущены старшие члены семей новой аристократии. Но это не разрешало основного вопроса — устранения противоречий между старой родовой знатью и новой рабвладельческой.

дельческой. В городе происходили неоднократные волнения, закончившиеся установлением демократии. Тем самым в Истрии, как и в Афинах после реформы Клизфена, была вытеснена старая родовая знать, общественные отношения были основаны теперь на антагонизме «между рабами и свободными, между неполноправными жителями и гражданами»¹. Истрийская демократия была, вероятно, обычной греческой демократией, построенной первоначально на пропорциональности политических прав граждан их имущественному цензу.

В Аполлонии Понтийской, возникшей в конце VII в. до н. э., власть также долгое время находилась в руках олигархов. Аристотель (РоI., V, 5, 7) упоминает Аполлонию в числе тех полисов, где падение олигархии происходит «вследствие неразумной политики» самих олигархов, ибо, расхищая государственные средства, они вызвали восстание борющихся против них граждан. Как показывает дальнейшая история, в городе установилась демократия.

К сожалению, время перехода от олигархии к демократии в Истрии и Аполлонии пока не может быть определено точно. Известный исследователь Западного Причерноморья Христо М. Данов² считает возможным отнести эти события в Истрии и Аполлонии к концу V — началу IV в. до н. э. Нам эта датировка не представляется убедительной. Трудно предположить, что в V в. до н. э. темп развития западнопонтйских колоний так сильно отставал от развития других черноморских полисов. Ведь в Синопе в середине V в. до н. э. шла борьба уже не с олигархией, а с тиранией, в Ольвии существовала демократия³. Экспедиция Перикла в Понт и вхождение части западнопонтйских городов в Афинский морской союз не могли не оказать влияния на укрепление позиций демократии в западнопонтйских городах.

Для определения времени демократического переворота в Аполлонии можно, как нам кажется, привлечь известия древних авторов (Strabo, VII, 6) о знаменитой статуе Аполлона работы афинского скульптора Каламида, находившейся в святилище бога в Аполлонии. Эта статуя была больших размеров. Страбон говорит, что Марк Лукулл увез *τὸν χρυσοτόν*. Вероятно, для нее был построен новый храм или произведена перестройка уже существовавшего в Аполлонии храма. Это строительство имело место в 70—60-е гг. V в. до н. э., когда творил Каламид. Культ Аполлона занимал всегда большое место в греческом пантеоне, но особенно велико было его почитание в аристократических полисах. Возможно, что олигархи Аполлонии предприняли сооружение нового храма и статуи бога-покровителя и усилили обложение налогами широких слоев гражданства. Эта строительная деятельность аполлонийских олигархов, стоившая больших средств, вызвала народное волнение, шедшее под лозунгом свержения олигархов, которые, как сообщает Аристотель, *κλέπτουσι τὰ κοινά*, и установления демократии. Расход 500 талантов, о чем сообщает Плиний (NH, XXXIV, 39), только на одну статую должен был напрячь все государственные финансы и обострить существовавшие в городе противоречия между знатью и простым народом.

Обвинение в расхищении государственных средств при больших по-

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 97.

² См. его работы «Западнйя бряг на Черно море в древността», София, 1947, стр. 51 и его же «Към старата история на Созопол, Западно Черноморие и Тракия» в «Изв. на Бълг. Историч. дружество», XXII—XXIII, (1948), стр. 180.

³ В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 213 сл.

стройках было, вероятно, довольно частым и весьма серьезным в греческих полисах. Например, Перикл и Фидий при постройке храма Афины предусмотрели возможность такого обвинения и сделали так, что проверить вес золота на одеждах богини не представляло затруднений (Th u s., II, 13, 5; Dio d., XII, 38; Plu t., Regi c., 31). Олигархи Аполлонии не смогли справиться с народным недовольством и были лишены власти.

О первоначальном государственном строе позднее возникших ионийских колоний — Одесса, Том и Дионисополя, — таких ранних сведений нет. Эпиграфические документы эллинистического времени показывают, что они были демократическими полисами. То же можно сказать и о дорийских городах — Месембри и Каллатии. Может быть, по аналогии с Херсонесом, можно предположить, что и Каллатия была основана демократическими выходцами из Гераклеи Понтийской, так как колонизационная деятельность гераклеотов была связана с постоянными социальными движениями, происходившими в городе.

Установление демократии в городах Западного Причерноморья должно было в дальнейшем вызвать новое обострение классовой борьбы. Известно, что в Аполлонии происходила борьба против новых переселенцев (A r i s t., Pol., V, 2, 11). Кто были эти *ἔποικοι* и когда они прибыли в город — неизвестно. Может быть, это происходило в эпоху разорения персами Ионии, когда многие азиатские общины выселялись. Например, теосцы основали в 540 г. Фанагорию, самосцы бежали на запад в Регий, а византийцы и калхедонцы в 493 г. — в Месембрию.

Установление демократии должно было оттеснить ряд старинных родовых организаций на задний план и сохранить за ними характер частных религиозных объединений. В западнопонтийских городах такими организациями были филы, известные пока только в Истрии и Томах, но можно думать, что они были и в остальных западнопонтийских городах.

Надписи сообщают о существовании в Истрии *φυλή Αἰγυκωρέων* (AEMOest, XVII, 1894, стр. 81 сл.) и *φυλή Ἀργαδέων* («Histros», I, 1934, стр. 118 сл.), в Томах известны эти же филы, и еще *φυλή Οπλείτων* (Dacia, I, стр. 273 сл.) и *φυλή Οἰνωπες* (AEMOest, XIX, 1896, стр. 229, № 94). Все это — общеионийские филы, кроме филы Ойнопиев, являющейся одной из двух специально милетских фил. В Каллатии и Месембриии существовали, можно думать, дорийские филы, хотя в родственном им Херсонесе до сих пор филы не обнаружены. Возможно, что в Херсонесе фил совершенно не было. Основанный в сравнительно позднее время гераклеийскими демократами, город не нуждался в восстановлении старинных религиозно-аристократических организаций. Во всяком случае отсутствие упоминания о филах в богатой эпиграфике Херсонеса указывает на их очень малый удельный вес, если они даже и были в городе.

Филы были самостоятельными организациями внутри полисов, имевшими свое имущество, своих избираемых должностных лиц, свой культ и святилище. Фила Гоплитов в Томах возглавлялась филархом, избиравшимся, повидимому, на один год. Кроме филарха, в филе Гоплитов имела должность эпимелета. Обычно эпимелетов фил было несколько¹; так же было, вероятно, и в Томах, потому что известно, что круг обязанностей эпимелета филы Гоплитов был очень узок — он заведывал только общественным зданием филы. Постановлением филы выдающимся членам ее присваивалось наименование простата. Повидимому, фила Гоплитов в Томах имела только одного простата одновременно. Иногда несколько должностей филы исполнялись одним и тем же лицом; однако эта практика имела место уже в римский период, к которому относится данная надпись

¹ В. В. Л а т ы ш е в, Греческие древности, I, стр. 208.

из Том, датируемая II в. н. э. Все это черты, свойственные греческим филам вообще.

Но известны и некоторые установления в организации фил, встречающиеся только на западном берегу Черного моря. Во II в. до н. э. все филы города Истрии имели ежегодные общие собрания *σύνοδοι*, на которых приносили жертвы богам, выносили постановления о восхвалении и раздаче почетных даров (*τὰ γέρα*) лицам, выполнявшим жреческие обязанности, и гражданам-благодетелям. Организаторами и распорядителями этих *σύνοδοι* были *ἐπίσκοποι*, избравшиеся всеми филами на один год. Объединение всех фил города в специальную организацию встречается в Истрии впервые в греческой общественной жизни¹.

Сохранение фил было возможно лишь при особых усилиях со стороны аристократии города поддерживать эти старинные институты. Так было и в Томах, где простатами филы были представители одной семьи, Посейдоний и внук его Апатурий. Возможно, что в Истрии раздельное существование фил делало их столь мелкими и малозначительными установлениями в системе демократического полиса, что возникла идея объединения их в одно целое. *Σύνοδοι* истрийских фил показывают, что отдельные филы не играли никакой роли в политической жизни города, оставаясь только религиозными организациями. Длительное существование фил в Истрии и Томах позволяет предполагать, что и в северопонтийских ионийских колониях — Тире, Ольвии, Пантикапее и др. также существовали эти организации.

В каждом из семи рассматриваемых городов существовало народное собрание, являвшееся верховным законодательным органом. Содержание декретов, относящихся к эллинистическому периоду, позволяет заключить, что обычно они вносились рядовыми гражданами и значительно реже — архонтами².

Городской совет занимал различное положение. В небольших городах, например в Томах и Одессе, существовала упрощенная система, когда все дела решало народное собрание по инициативе крупных магистратов.

Мы не располагаем исчерпывающими сведениями о структуре исполнительных органов в западнопонтийских полисах. Относительно небольшое количество надписей не позволяет рассматривать государственные институты городов в процессе их эволюции. Можно только констатировать наличие того или иного учреждения, характерного для демократических полисов.

В Аполлонии из всех должностных лиц засвидетельствовано существование только коллегии архонтов. Количество их неизвестно, возможно, что число их было близким или равным числу пяти ольвийских архонтов³. На основании одного лишь декрета с довольно обычной формулой (*τῶν ἀρχόντων γῶμῃ*) трудно высказывать мнения об особенных чертах компетенции архонтов в Аполлонии.

Гораздо больше известно нам о должностных лицах в Истрии. Здесь также имеются архонты⁴, которые во II в. до н. э. в период нехватки хлеба в городе вели переговоры о доставке его с одним карфагенским купцом. Повидимому, как и в Ольвии, истрийские архонты осуществляли верховный контроль над монетным чеканом города, и начальные буквы или слоги

¹ S. S a m b r i n o, Les tribus ioniennes d'Histria, «Istros», I (1934), стр. 125.

² В Аполлонии — Хр. М. Д а н о в, «Jahresh. d. Ö. arch. Inst.», XXX (1936), Weibl., стр. 89 сл.; В Томах — Б. Н. Г р а к о в, Материалы по истории Скифии в греческих надписях, Дополн. № 2, ВДИ, 1939, № 3, стр. 310.

³ В. В. Л а т ы ш е в, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, стр. 262.

⁴ Надпись, опубликованная в журнале «Dacia», III—IV, № 3, стр. 401.

имен магистратов на истрийских монетах означают имена архонтов. Такая система была принята во многих греческих полисах¹.

Весьма интересна должность *οἱ ἐπιμύριοι*, известная в Истрии и в Одессе. Она встречается в ионийских городах, причем имеет гражданское или религиозное содержание. Наиболее обстоятельное объяснение сущности этой должности дано В. В. Латышевым². В Истрии должность эпимения имела гражданский характер. Эпимении сменялись ежемесячно, причем обязанности эпимения лежали на одном лице. Упоминание эпимениев во всех дошедших из Истрии декретах с сохранившимися или легко восстанавливаемыми начальными фразами указывает на то, что датировка декретов в Истрии велась по эпимениям³. Повидимому, как это предположил еще В. В. Латышев, эпимениев в Истрии можно сравнить с коллегиями пританов в Афинах: и те и другие служили эпонимами в декретах народного собрания.

Подробных данных о функциях эпимениев нет. Вероятно, они председательствовали в народном собрании, подобно пританам, как можно заключить из декрета в честь Мениска, где ответственность за нарушение декрета несут оратор в народном собрании и эпимений. Возможно, таким образом, что от эпимения зависело прохождение дел через народное собрание. Должно отметить еще одно обстоятельство. В декрете Аристагора имеется двойная датировка — по эпимению и по жрецу-эпониму, которым был тогда сам Аристагор. Полное отсутствие упоминания жрецов-эпонимов в декретах IV—II вв. до н. э. создает впечатление, что в эпоху прочной демократии народное собрание избегало пользоваться датировкой по жрецам Аполлона, существовавшей еще в давние времена, когда аристократия была сильна. Характерно то, что в V в. до н. э. представители аристократии, члены рода Феодота, датировали свои посвящения богам по жрецам Аполлона («*Histria*», IV, № 1). В эпоху Аристагора усилились аристократические веяния в Истрии, и вновь появилась датировка по жрецам-эпонимам. Однако до нахождения большего количества эпиграфических памятников наше предположение о двойной датировке в Истрии: демократической — по эпимениям и аристократической — по жрецам Аполлона — остается только предположением.

Из прочих общественных должностей в Истрии известны агораномы. Исполнявший эту должность Аристагор выстроил на свой счет новое здание агораномия. Число истрийских агораномов неизвестно (в различных полисах было разное число агораномов; в Ольвии, например, было пять агораномов).

Как повсюду в Греции, и в Истрии существовал обычай поручать отдельным богатым гражданам выполнение экстраординарных мероприя-

¹ Мы не согласны с предположением Б. Пика (B. Pic, K. Regling, *Die Antiken Münzen von Dacien und Moesien*, Berlin, 1898—1910, I, стр. 146), что агораномы в Истрии следили за чеканом монет, которое он делает на основании идентификации имени Аристагор на монетах Истрии (там же, № 478—479) с именем Аристагора в декрете SIG³, 708. Функции агораномов — довольно ограниченные, и не известно еще ни одного случая, когда бы агораномы ведали монетным делом. Между тем декрет в честь Аристагора не имеет конца, а перечисленные в нем должности идут как бы в нарастающем порядке: агораном затем выполнял многочисленные посольства к варварам... Вполне возможно, что в утраченной части декрета говорилось об архонстве Аристагора, во время которого имя его ставилось на истрийских монетах. Кроме того, Аристагор мог быть архонтом много времени спустя после принятия декрета.

² В. В. Л а т ы ш е в. Исследования... стр. 295 сл.

³ SIG³, 708; «*Histria*», VII, № № 4 и 11; «*Dacia*», II, стр. 204, № 8; III—IV, стр. 401. № 3.

тий — восстановление стен и т. д. (ср. декрет Агасикла из Херсонеса — IOSPE, 1², 418).

О военных органах Истрии мы почти ничего не знаем. В отдельных фрагментированных надписях имеются упоминания *ἡγεμόνες* и *στρατιῶται* («Histria», IV, № 4, 6).

О гражданском строе Одесса сохранилось еще меньше сведений. Упоминание об архонтах и их помощниках паредрах в надписи II века до н. э. из Одесса ¹ показывает, что верховные органы исполнительной власти были здесь несколько более сложны, чем в других ионийских колониях Черного моря — Аполлонии, Истрии, Томах, Тире и Ольвии. Введение института паредров могло произойти под некоторым влиянием Афин, где каждый из 3-х главных архонтов по собственному выбору назначал себе в помощники по два паредра.

Как и в Истрии, датировка событий в Одессе велась по эпимениям, которые председательствовали в народном собрании ². Срок исполнения должности эпимением был равен месяцу. В одной из надписей IV в. до н. э. (Kalinka, 91) увенчивают сразу двух эпимениев, уже выполнивших свои обязанности.

Мы не можем согласиться с исследователем Западного Причерноморья Хр. М. Дановым ³ в том, что в эллинистическое время функции эпонима в Одессе выполнял главный жрец бога Дарзаласа — сохранившийся каталог жрецов ⁴ (середина I в. до н. э. — начало I в. н. э.). с начальной формулой *οἱ δὲ ἱερέυται τῷ θεῷ μετὰ τὴν κάθοδον...* вовсе не свидетельствует, что они были эпонимами города, а дошедший до нас декрет в честь Меногена явно указывает, что в первой трети I в. до н. э. эпонимом Одесса был эпимений.

Функции коллегии пританов (SIG, II, 2056d) известны крайне недостаточно — мы знаем только, что они увенчивали отличившихся магистратов.

О структуре исполнительных органов Том можно судить лишь из поздних декретов. Коллегия архонтов представляла свое мнение в народное собрание. Судя по этим декретам, власть архонтов в Томах в то время (II—I вв. до н. э.) была весьма обширной ⁵. Внутри коллегии архонтов было проведено разделение функций; одни из них управляли гражданскими делами города, другие заведывали портом (*ἄρχοντες ἐν τῷ λιμένι*). Архонты порта, функции которых в деталях неизвестны, вероятно, взимали какие-то пошлины натурой. Так, в декрете о городской страже архонты порта продают по удешевленным ценам то, что нужно для жертвоприношения, т. е. животных, вино и масло. Эти припасы составляли, вероятно, один из видов государственных средств в Томах.

Летосчисление в Томах велось по жрецам-эпонимам по крайней мере в конце II—I вв. до н. э., т. е. почти одновременно с предполагаемым нами возобновлением жреческого эпонимата в Истрии. Возможно, что жрецы были эпонимами в Томах непрерывно от основания города, так как благодаря отсталости Том в них устойчивее сохранялись древние учреждения.

¹ MDAI, X (1885), стр. 312 сл. и XI (1886), стр. 200 (комментарии В. В. Латышева).

² BCH, 55 (1931, I), стр. 43 сл. См. Т. В. Бороздина, Из истории западнопонтских городов в 80—40-е гг. I в. до н. э., ВДИ, 1946, № 3, стр. 202.

³ Зап. бряг на Черно море в древността, стр. 107.

⁴ MDAI, X (1885), стр. 312 сл. и XI (1886), стр. 200 (комментарии В. В. Латышева).

⁵ См. Б. Н. Г ра к о в, Материалы по истории Скифии, ВДИ, 1939, № 3, № 19 и Дополнения 2, декрет в честь тиранца Нила.

Интересна организация военных сил в I в. до н. э. В Томах, небольшом по размерам городке, настоящей армии не было. Дело ограничивалось главным образом охраной города. Декрет в честь городской стражи (Материалы по истории Скифии, № 19, ВДИ, 1939, № 3) показывает, что в народном собрании горожане избирали двух начальников, которые ведали охраной города и сами зачисляли граждан в караулы. В то время, к которому относится декрет, состав караула доходил до 40 человек, но обычно городская стража была, вероятно, меньше. Уклонение от несения караулов каралось большим штрафом — по 10 серебряных статеров за пропущенный день, кроме того начальники могли наказывать виновного любым доступным им способом. Система построения караулов была точно такой, как та, о которой говорит Эней Тактик (πολιорχητικὸν ὑπόμνημα, XXII): у ворот города несли службу дневные и ночные караулы, по дорогам, вероятно, ближайшим к городу, ходили специальные дозоры. Срок караульной службы был довольно долг — судя по декрету в честь городской стражи, не меньше двух лет.

Наименее значительный ионийский город Западного Причерноморья — Круны (Дионисополь). Конституция его, вероятно, была обычной, хотя крайняя скудость эпиграфических известий эпохи автономии позволяет предполагать слабое развитие полисной жизни. Единственный декрет от до-римского времени — декрет в честь Аюорниона¹, — свидетельствует о том, что в государственной жизни Дионисополя I в. до н. э. наблюдалось явление, свойственное многим городам в эпоху эллинизма, а именно — очень большая материальная помощь государству со стороны богатых граждан, которые вместе с тем занимали крупнейшие должности. Подобное положение создавало благоприятные условия для усиления аристократии и ее роли в управлении полисами при сохранении демократического строя.

В дорийских Каллатии и Месембрии народное собрание имело такой же характер, как и в ионийских полисах. Напротив, в устройстве совета имелись некоторые отличия. В Каллатии совет делился на коллегии *αἰσιμύται*, во главе каждой стоял *πρωτεύων* («Дасиа», I, стр. 108 сл.). Коллегия айсимнетов исполняла свои обязанности в течение месяца, как это было и в Калхедоне и в Херсонесе². Коллегия айсимнетов в Каллатии занимала, может быть, положение, сходное с положением коллегии пританов в Афинах. Как в Мегаре и ее колониях, в частности в Херсонесе, и в Каллатии магистрат-эпоним носил наименование «царя»³. Басилей придавал своим присутствием особую торжественность событиям, происходившим в городском пританее⁴. Можно думать, что в Каллатии, как и в Херсонесе (IOSPE, I², 401, 424, 429), существовала коллегия демиургов, обычная для дорийских городов.

В Каллатии известна также редко встречающаяся у дорян коллегия пробулов, упоминание о которой содержится в декрете в честь Стратонакса. Коллегия пробулов в дорийских городах известна еще только в Коринфе, где после изгнания Кипселидов она появилась вместе с установлением олигархии. В Каллатии пробулы были сравнительно незначитель-

¹ Б. Н. Г раков, ук. соч., № 18; В. В. Л а т ы ш е в, *Ποιτική*, стр. 226 сл.

² В. В. Л а т ы ш е в. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического, ЖМНП, 1884, июнь, стр. 53; Г. Д. Б е л о в, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 69.

³ ИАИ, I, 2 (1924), стр. 229—230. RA, 1925, стр. 258; надпись, изданная в сб. «Archéologie en Roumanie». Bucur., 1938. статья «Kallatis», фото № 72; «Dacia», IX—X (1911—1914), стр. 287; см. Г. Д. Б е л о в, ук. соч., стр. 69.

⁴ Декрет в честь Стратонакса, стк. 42 и 43, где чествуемый призывается вместе с царем в пританей (Kalinka, 94).

ным органом, распоряжавшимся, например, местом установки почетной стелы. Пробулы сменялись каждый месяц, количество их неизвестно.

Эпиграфические находки 30-х гг. XX века доставили некоторые сведения и о структуре судебных органов Каллатии¹. Там существовала коллегия эйсагогов (εἰσαγογεῖς), возглавлявшихся председателем, по имени которого обозначалась вся коллегия. Срок исполнения должности коллегией эйсагогов — один месяц, как это было и в Афинах. Таким образом, в течение года сменялось 12 коллегий, избиравшихся, повидимому, сразу на весь год. Если же происходила внеочередная смена коллегий, то эйсагоги выносили специальное постановление и высекали его на камне для оповещения всех граждан. Вряд ли можно согласиться с тем мнением («Dacia», III—IV, стр. 452), что каллатийские эйсагоги являлись только коллегией общественных обвинителей, как это было на Самосе. В этой сильно фрагментированной надписи речь идет о товарах каких-то купцов и о штрафах, налагаемых, вероятно, на них за несоблюдение правил. Возможно, что эйсагоги имели функции исполнительных судебных магистратов.

В Каллатии, как и в Херсонесе² и в Месембрии, существовала коллегия стратегов, выполнявшая обычные функции этих магистратов — военные и дипломатические.

В Каллатии все время сохранялось такое учреждение, как герусия, самое раннее упоминание о ней относится еще к III в. до н. э.³ Может быть, в эпоху независимости Каллатии герусия была там, как и в Гераклее, верховным судебным органом. Но это пока что догадки.

О внутреннем устройстве Месембрии известно немного. Это объясняется и малым количеством надписей и какой-то особенной склонностью месембрийцев к лаконизму в их декретах. Так, постановление в честь Каллиппа фессалийца (SIG, II, 2053c) II в. до н. э. начинается кратко: Μεσσαμβριανοὶ ἔδωκαν, очень напоминая этим известный декрет ольвийцев в честь Херигена месембрийца, первой четверти IV в. до н. э. (IOSPE, I², 20). Казначей города ведал, повидимому, всеми расходами полиса непосредственно, без каких-либо промежуточных инстанций⁴. Из надписи римского времени (SIG³, 899) известно, что в Месембрии тогда было двое агораномов. Можно предполагать, что это было издревле установленное число. О существовании коллегии номофилаков в Месембрии — νομοφίλακος стало известно лишь недавно⁵. Можно полагать, что, как и в Херсонесе, «стражи закона» играли большую роль в политической жизни города⁶.

Богаче наши сведения о военных властях Месембрии. В этом отношении Месембрия стоит впереди всех городов Западного и многих городов Северного Причерноморья. Источники — три посвящения стратегов и таксархов Месембрии⁷ относятся к середине I в. до н. э. Высшими военными

¹ «Dacia», III—IV, стр. 451, № 1; надпись, изданная в сборнике «Archéologie en Roumanie», в ст. «Kallatis», стр. 65, фото № 72. Надпись была разобрана по нашей просьбе проф. Б. Н. Граковым, датирующим ее I в. до или I в. н. э.

² В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического, ЖМНП, 1884, июнь, стр. 59 сл.

³ Надпись, изданная в сборнике «Archéologie en Roumanie», 1938, стр. 61. По определению Б. Н. Гракова надпись по ее шрифту можно отнести ко второй половине III в. до н. э. Сохранился только фрагмент мраморной стелы со словами ... ἀναγα τὰν ἑρουσίαν.

⁴ SIG, II, 2053 b — декрет в честь Демонта от IV в. до н. э.

⁵ См. Хр. М. Д а н о в, Зап. бряг на Ч. м. в древностата, стр. 121, прим. № 5, где он говорит о новонайденной надписи из Месембрии с упоминанием номофилаков.

⁶ См. IOSPE I², №№ 351, 359, 342, 343, 346, 347, 423.

⁷ Все три надписи были опубликованы вместе в RA, XVIII (1911), стр. 423 сл.

чинами были стратеги, вся коллегия состояла из шести членов. Это число следует традициям, идущим, повидимому, из Калхедона и Мегары, где также было шесть стратегов¹. В Месембрии стратеги были, повидимому, все равны между собою и не имели председателя, как это было и в Ольвии. Коллегия стратегов имела своего секретаря. Командование военными силами, караулы в городе, дипломатические переговоры — все это находилось в ведении стратегов. Помимо стратегов известны также и таксиархи Месембрии². Число их — шесть человек — позволяет предположить, что военные силы Месембрии были сравнительно велики; поскольку в таксе было обычно по 400—500 человек, можно заключить, что они насчитывали не менее 2400 человек. Так как эти данные относятся ко времени постоянных войн и опасностей I в. до н. э., то можно думать, что это — максимальное количество воинов, которое могла выставить Месембрия.

В Месембрии еще более четко выступает общегреческая система организации городской стражи, которая делится на караулы дневные, ночные и дорожные. Засвидетельствованная система охраны Месембрии и Том дополняется данными по Херсонесу и сведениями Энея Тактика об устройстве караульного дела. Можно предполагать, что аналогичные установления имели место и в других городах Западного Причерноморья.

О финансовой жизни западнопонтийских полисов, бывших, кроме разве Дионисополя, торговыми государствами, известно очень мало.

Только в Истрии известны некоторые органы, ведавшие финансами города. Установление пошлин и налогов³ на все торговые операции находилось в руках коллегии десяти, которая весьма сходна с ольвийской коллегией девяти, ведавшей общественной казной города⁴. Такое сходство позволяет думать, что и в Истрии также существовала особая коллегия, заведывавшая священной казной города.

Мы не будем останавливаться на монетном деле западнопонтийских городов, так как нумизматика этого района, изучена весьма подробно. Следует, может быть, обратить некоторое внимание на весовые единицы, ставшие известными лишь благодаря раскопкам последних десятилетий. Это тем более интересно, что вопросу о мерах весов в Северном и Западном Причерноморье еще не было посвящено ни одной специальной работы. Гири, как автономного, так и римского времени, были найдены в Истрии, Томах и Каллатии⁵. Для каждой эпохи меры веса были различны. Материалом для гирь служил свинец; каждый город имел свою собственную форму. Томы имели гири треугольной формы, на лицевой стороне одной из них было изображение головы Гермеса. Сообразно весу на гирях ставились марки: М, НМ, ТΡΙΤΗ, ΤΕΤΑΡ. Вес гири в 1 мину был равен 625 г; в $\frac{1}{8}$ —80 г. В Истрии гири имели четырехугольную форму, на лицевой стороне их было изображение городского герба (орел на дельфине); ниже стояли буквы, обозначающие номинал. Очень своеобразны гири Каллатии, имеющие грушевидную форму. На лицевой стороне одной из них — изображение безбородого Геракла. На оборотной стороне ее — номинал ΤΡΙ, а по бокам изображены дубина и горит. Вес этой гири — $\frac{1}{3}$ мины — 175 г.

¹ Хр. М. Д а н о в, Зап. бряг на Ч. м. в древности, стр. 120.

² Для других дорийских городов на Понте—Херсонеса, Каллатии, Гераклеи — сведений об институте таксиархов пока не обнаружено.

³ Интересно отметить, что освобождение от пошлин и налогов в западнопонтийских городах давалось очень редко (только в Одессе — СІГ, II, 2056); и в Ольвии дарование ἀτέλεια было редким явлением (только IOSPE, I², № № 20, 21 и 23).

⁴ См. издание декрета в честь менялы, «Dacia», II, стр. 205, № 9 и нашу краткую заметку «О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии» в КСИИМК, XXII, стр. 57—58.

⁵ «Dacia», III—IV, стр. 139; V—VI, стр. 260; III—IV, стр. 602 сл.; RA, XXI (1925), стр. 278.

Другая гиря Каллатии, весом 128, 55 г, имеет изображения на обеих сторонах и номинал ТЕ[Т]АРТН.

Все эти веса показывают, что в основе системы веса западнопонтийских городов, по крайней мере трех из них, лежала аттическая мина весом в 655 г. Возможно, контроль за весом гирь входил в компетенцию должностных лиц, ведавших монетным чеканом.

Сохраняя в общем государственную систему своих метрополий, западнопонтийские города создали ряд мелких учреждений, не существовавших в основавших их Милете, Мегаре, Калхедоне и Гераклее (например, коллегия десяти в Истрии).

Обзор государственных учреждений показывает, что города Западного Причерноморья следовали тем же линиям развития, что и города материковой Греции: от олигархии в древнейшую эпоху к демократии в V — IV вв. до н. э. Обострение классовых противоречий в эпоху эллинизма привело к ослаблению демократических институтов в западнопонтийских городах. Официально сохранялись древние порядки демократии, на деле — власть находилась в руках немногих богатейших рабовладельцев. Ярким свидетельством этого являются многочисленные декреты в честь «благодетелей» городов, какими были Аристагор, Акорион и многие другие. Сходное положение было и в Ольвии, как показывает знаменитый декрет в честь Протогена. Все эти документы ярко свидетельствуют о разложении греческой рабовладельческой демократии. Удаленность городов Западного Понта от центров материковой Греции, сохранение системы мелких автономных единиц — все это еще более обостряло положение. Находясь на краю огромной территории, населенной фракийцами и скифами, греческие города Западного Причерноморья не стали частью греко-варварского царства, подобного Боспору. Союз аристократии западнопонтийских городов со скифской знатью, в период вхождения их в царство Малой Скифии, был сравнительно кратковременным. Он должен был нанести большой удар традициям рабовладельческого демократического полиса, однако его недолговечность не привела к появлению такого государственного строя, при котором господствующим слоем стала бы греко-варварская аристократия.

